

*А.В. Залозный****СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ УЧЕНИЯ О ПОТЕРПЕВШЕМ**

В статье в рамках вопроса о проникновении частных начал в уголовное право исследуются юридические возможности потерпевшего влиять на уголовную ответственность преступника. Также анализу подвергнут круг участников уголовно-правовых отношений с позиции функций уголовного права.

В современной науке уголовного права отсутствует устоявшееся определение понятия «потерпевший от преступления». Также нет в среде научного сообщества единства мнений и по вопросу о месте данной фигуры в системе УК РФ и ее уголовно-правовом значении. Вместе с тем, в последние года ученые-юристы предпринимают все более настойчивые попытки развития учения о потерпевшем в рамках науки уголовного права [4; 22]. Это направление научной мысли заслуживает поддержки. При этом важно подчеркнуть, что учение о потерпевшем в уголовном праве необходимо развивать с учетом криминологических и уголовно-процессуальных достижений в указанной области научного познания.

Не останавливаясь на многоплановом значении потерпевшего для наук криминального цикла, стоит отметить, что интерес к потерпевшему от преступления выглядит тем более понятным на фоне развернувшейся дискуссии о проникновении в уголовное право частно-правовых начал, допускающих учет воли потерпевшей стороны [13; 16]. В этой связи требует своего решения проблема о юридических возможностях потерпевшего влиять на основание и меру уголовной ответственности. Первая составляющая этой проблемы может быть сформулирована так: допустимо ли учитывать волю потерпевшего при определении законодателем оснований уголовной ответственности виновного лица, нарушившего права и законные интересы другого человека и охраняемые законом интересы общества. Другую составляющую указанной проблемы можно выразить так: целесообразно ли обеспечение в УК РФ влияния потерпевшего на меру уголовной ответственности, в том числе смягчение уголовной ответственности при согласии потерпевшего на причинение ему вреда.

Среди широкого спектра мнений по указанной проблеме выделяются два диаметрально противоположных подхода. Первый связан с усилением частных начал в уголовном праве. Так, С.Г. Келина еще в 1994 году при обсуждении концепции и основных положений проекта УК РФ предлагала отказаться от использования силы уголовного закона, когда сам потерпевший этого не желает, расширить сферу освобождения от уголовной ответственности

* © Залозный А.В., 2006

Залозный Алексей Викторович — кафедра уголовного права и криминологии Самарского государственного университета

в связи с примирением сторон и при отсутствии жалобы потерпевшего [19.С.45]. В таком же русле высказываются некоторые ученые и сегодня, когда УК РФ можно оценивать с позиции почти 10-летней практики его применения. Так, О.А. Мотин предлагает ввести в УК РФ общую норму, исключаящую преступность деяния при согласии потерпевшего на причинение вреда; данный автор говорит, что если преступлением нарушаются, в первую очередь, частные интересы, то и наступление уголовной ответственности должно зависеть только от воли потерпевшего [13.С.11].

Согласно другому подходу недопустимо бесконтрольное проникновение частно-правовых начал в уголовное право. Так, И.А. Фаргиев пишет, что уголовная ответственность как сложное социально-правовое последствие совершения преступления не может зависеть от желания или нежелания потерпевшего от преступления [22.С.13].

На наш взгляд, проблема «потерпевшего от преступления» упирается в более общую проблематику – круга субъектов (участников) уголовно-правовых отношений.

В теории уголовного права различаются регулятивные и охранительные уголовные правоотношения [8. С.16; 11, С.6; 12. С. 3; 14. С. 6, 8]. Под охранительными отношениями понимаются властеотношения, субъектами которых являются государство и преступник. В них государство обязано возложить на виновное лицо ретроспективную уголовную ответственность и наказать преступника, а последний, в свою очередь, обязан претерпеть неблагоприятные последствия совершенного им преступления и имеет право требовать, чтобы эти последствия не превышали установленные уголовным законом пределы. В этой связи следует подчеркнуть, что преступник отвечает за содеянное именно перед государством, а не перед частным лицом, поэтому государство как публичное образование в лице своего уполномоченного органа (суда) решает вопрос о привлечении виновного к уголовной ответственности и его наказании.

Высказано мнение, что существуют охранительные уголовно-правовые отношения, участниками которых являются и потерпевшие. В данном случае говорится об охранительных уголовных правоотношениях, которые возникают вследствие совершения преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения [20.С.35]. Однако представляется более уместным считать, что воля потерпевшего при уголовном преследовании по такого рода делам служит лишь обязательным условием для возникновения уголовно-процессуальных правоотношений. В подтверждение этого тезиса можно сослаться на ст. 24 УПК РФ, где отсутствие заявления потерпевшего является таким же основанием для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела, как и, например, отсутствие в деянии состава преступления. Как уже отмечалось, преступник отвечает за содеянное перед государством, а не перед отдельным лицом, в том числе и по делам частного обвинения. Потерпевший не может быть субъектом охранительных уголовно-правовых отношений.

По общему правилу, воля потерпевшего не является кримиобразующим признаком состава преступления. Его мнение относительно оснований уголовной ответственности, относительно уголовной противоправности деяния не должно иметь юридической силы.

Говоря о субъектном составе уголовных правоотношений охранительного характера, следует отметить, что в определенном смысле всю историю уголовного права можно рассматривать как процесс передачи права на возмездие за совершенное преступление в ведение публичной власти. Соответственно, изменялось содержание понятий «преступление» и «наказание». Преступление с течением времени выступает уже не просто посягательством на интересы конкретного человека, но становится явлением, нарушающим нормальный порядок жизни всего общества, а наказание из частной мести преступнику трансформируется в меру, возлагаемую государством за противоправное поведение. Аналогичным образом изменяется и положение потерпевшего, его возможность определять преступность деяния. Тот или иной человек может простить преступнику все. Но из того, насколько возможен этот жест для отдельного лица, вовсе не следует, что он целесообразен и со стороны государства, которое устанавливает в интересах всего общества, какое поведение следует признавать преступным и уголовно наказуемым.

Однако следует помнить о множественности видов уголовно-правовых отношений. Их классификацию, кроме всего прочего, можно проводить в соответствии с функциями уголовного права. В этой связи особую роль приобретает правовосстановительная функция.

Названная функция уголовного права зачастую ставится под сомнение под тем предлогом, что она характерна для отраслей цивилистического цикла, либо потому, что она – атрибут уголовно-исполнительного права, коль скоро восстановление причиненного преступлением вреда осуществляется в процессе исполнения наказания [17.С.16].

Не вызывает сомнений тезис о том, что государство должно стремиться к восстановлению нарушенного права во всех регулируемых им сферах, в том числе и в уголовно-правовой. Если важнейшим признаком преступления является его противоправность, то всякая оправданная реакция на преступление должна утверждать право, справедливость. В этом плане верна мысль Б.С. Никифорова относительно общественной пользы наказания: оно «нейтрализует воздействие преступления» [15.С.63-71]. Преступление – нарушение условий существования общества. Наказание призвано, насколько это возможно, восстановить их. Преступление дезорганизует общественные отношения, а наказание должно подтвердить незыблемость общественной системы. Общественно опасной деятельности преступников противостоит, таким образом, общественно полезная деятельность государства. С принятием УК РФ 1996 года данная идея получила свое развитие, и значение восстановительной функции для уголовного права возросло. В частности, это нашло свое проявление во включении в число первоочередных целей наказания восстановления социальной справедливости (ч. 2 ст. 43 УК РФ). Ее торжество жизненно необходимо для ощущения стабильности общества и силы суще-

ствующей в нем власти, способной обеспечить общественный порядок. Понимание того, что зло не остается безнаказанным, является одним из слагаемых устойчивости жизнедеятельности, спокойствия и уверенности в завтрашнем дне. В определенной части решение данной задачи призвано обеспечить и уголовное право.

Таким образом, в рамках уголовных правоотношений можно выделить такой их вид, как восстановительные, которые понимаются в качестве правоотношений, возникающих между потерпевшим и лицом, совершившим преступление, в связи с его социально положительным поведением после совершения преступления, направленным на заглаживание вреда, причиненного в результате преступления, возмещение нанесенного имущественного ущерба и морального вреда [9.С.43].

Вместе с тем, представляется, что в идеале необходимо признать субъектом восстановительных уголовно-правовых отношений также государство, которое должно обеспечивать взаимодействие потерпевшего и преступника и выполнять функцию арбитра. Таким образом, с одной стороны, примирение с потерпевшим будет не основанием, а условием освобождения от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ (так как окончательное решение данного вопроса все-таки будет за государством). А с другой стороны, для всесторонней защиты потерпевшего следует закрепить восстановление его прав (в том числе компенсацию имущественного ущерба от преступления) в качестве обязанности не преступника, а публичной власти, которая затем уже может предъявить «регрессные» требования к виновному лицу. Такой вывод можно сделать из ст. 1, 2, 17, 18 и 118 Конституции РФ и корреспондирующих им положений ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, что подтверждается мнением Конституционного Суда РФ, постановившего, что «правосудие по самой своей сути может признаваться таковым лишь при условии, что оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах» [3]. Положительным примером в данном контексте может служить идея, закрепленная в ч. 3 ст. 30 ранее действовавшего Закона РСФСР 1991 года «О собственности в РСФСР» [2], о возмещении ущерба, причиненного преступлением, за счет средств государства. Однако указанная норма практически не применялась и была скорее исключением, чем правилом, в российской законодательной и правоприменительной практике.

Последние изменения, вносимые законодателем в УК РФ, также свидетельствуют о тенденции, направленной на повышение роли правовосстановительной функции уголовного права. Так, согласно ч. 1 ст. 104³ «Возмещение причиненного ущерба» главы 15¹ «Конфискация имущества» [1] при решении вопроса о конфискации имущества в первую очередь должен быть решен вопрос о возмещении ущерба, причиненного законному владельцу. Данное положение конкретизируется в ч. 2 ст. 104³, где сказано, что при отсутствии у виновного иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, кроме имущества, подлежащего конфискации, из его стоимости

возмещается ущерб, причиненный законному владельцу, а оставшаяся часть обращается в доход государства.

Безусловное преобладание государства в уголовно-правовых отношениях определяется тем, что уголовное право — это публичная отрасль права, прежде всего с императивным методом правового регулирования. Необходимость обеспечения общей безопасности объективно требует целенаправленной деятельности публичной власти. Принятие государством на себя этой важнейшей функции предопределяет и особенности возникающих между ним и частными лицами уголовно-правовых отношений, которые, в отличие от частных дел, реализуемых по воле и усмотрению отдельных индивидов, строятся на основе власти-подчинения.

Таким образом, уголовное право, будучи правом публичным, использует централизованное, императивное регламентирование, метод субординации, при котором регулирование осуществляется на властных началах.

Использование такого метода в регулировании публично-правовых отношений между государством и гражданами проявляется в том, что уголовно-правовые правила, запрещающие или предписывающие своим адресатам определенные виды поведения, по способу выражения носят для них не просто повелительный, а однозначный, авторитарный характер, не допуская, как правило, договоренности об иных путях урегулирования их взаимоотношений, а последствия отступления от указанных правил в виде уголовно-правовых санкций предрешаются самим фактом преступления, а не требованием заинтересованной стороны (потерпевшего от преступления), лишенной возможности действовать по своему усмотрению.

Безусловно, виновное лицо отвечает за преступление перед государством, поэтому именно государство в лице своих органов решает вопрос о том, имело ли место преступление. Однако представляется, что потерпевший может и должен влиять на определение меры уголовной ответственности и наказания. В этой связи интересна полемика среди ученых по поводу формулировки ст. 76 УК РФ и корреспондирующей ей ст. 25 УПК РФ. Одни ученые считают, что освобождение от уголовной ответственности является правом государства [6.С.42; 10. С.182], другие настаивают на противоположном [18.С.34; 21.С.249]. Со своей стороны заметим: известная неопределенность содержания нормативного положения, предусмотренного в ст. 76 УК РФ, значительно снижает его эффективность. Можно, конечно, согласиться с мнением Л.Л. Кругликова и А.Н. Савченко относительно ограничительного толкования термина «вправе» в ст. 76 УК РФ, однако в условиях низкого уровня правовой культуры и господства правового нигилизма закон должен быть предельно понятным и прозрачным. Соответственно, имеет смысл внести изменения в ст. 76 УК РФ, заменив слова «может быть освобождено» словами «освобождается». В ст. 25 УПК РФ необходимо заменить слово «вправе» на слово «обязан».

В заключение укажем, что отдельные элементы диспозитивности имеют определенную социальную ценность и для уголовного права. Поэтому преступления, преследуемые в порядке частного обвинения, не исчезали из за-

конодательства криминального цикла на всем протяжении его развития. Начала диспозитивности коснулись и лиц, выполняющих управленческие функции в коммерческих организациях. Здесь следует также отметить, что в вопросах «потерпевшего от преступления» недопустимо смешение либо дублирование норм уголовного права и процесса. Вместе с тем, подобные вещи имеют место быть. В частности, в примечаниях 2 и 3 к ст. 201 УК РФ закреплены процессуальные нормы о порядке уголовного преследования. Несомненно также то, что в российском законодательстве криминального цикла остаются резервы для расширения диспозитивности (в части, касающейся внутрисемейных, «родственных» хищений) [5.С.339; 7.С.215]. В этой связи целесообразным представляется дополнение УПК РФ ст. 23¹ «Привлечение к уголовному преследованию по заявлению близкого родственника или супруга», следующего содержания: «если деяния, предусмотренные ст. 158-160, 165-168 УК РФ, причинили вред интересам исключительно супругу или близкому родственнику лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, и не причинили вреда интересам других лиц, а также интересам общества или государства, то уголовное дело возбуждается по заявлению потерпевшего или с его согласия».

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 года № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции Совета Европы «О предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // Российская газета. — 2006. — 29 июля.
2. Закон РСФСР от 24 декабря 1991 года № 443-1 «О собственности в РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 30. — Ст. 416.
3. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений ст. 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также гл. 35 и 39 УПК РФ в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан от 8 декабря 2003 г. // Российская газета. — 2003. — 23 декабря.
4. Аношенкова, С.В. Учение о потерпевшем в российском уголовном праве: авторефер. дис. ... канд. юрид. наук / С.В. Аношенкова. — Саратов, 2004.
5. Безверхов, А.Г. Имущественные преступления / А.Г. Безверхов. — Самара, 2002.
6. Безлепкин, Б.Т. Комментарий к УПК РФ / Б.Т. Безлепкин. — М., 2006.
7. Бойцов, А.И. Преступления против собственности / А.И. Бойцов. — СПб., 2002.
8. Звечаровский, И.Э. Современное уголовное право России / И.Э. Звечаровский. — СПб.: Питер, 2001.
9. Кленова, Т.В. О совместимости публичного и частного интересов в уголовном праве / Т.В. Кленова // Уголовное право. — 2006. — № 2.
10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. — М., 2005.
11. Кропачев, Н.М. Уголовные правоотношения: авторефер. дис. ... канд. юрид. наук / Н.М. Кропачев. — Л., 1984.

12. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М., 2002.
13. Мотин, О.А. Частный интерес в системе объектов уголовно-правовой охраны: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Мотин. – Волгоград, 2005.
14. Наумов, А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций / А.В. Наумов. – М.: БЕК, 1996.
15. Никифоров, Б.С. Наказание и его цели / Б.С. Никифоров // Советское государство и право. – 1981. – № 9.
16. Пикуров, Н.И. Уголовное право в системе межотраслевых связей: монография / Н.И. Пикуров. – Волгоград, 1998.
17. Российское уголовное право. Т. 1. Преступление: курс лекций / под ред. А.И. Коробеева. – Владивосток, 1999.
18. Савченко, А.Н. Может ли право на действие в праве перейти в обязанность? Или что первично – права человека или воля правоприменителя? / А.Н. Савченко // Российский судья. – 2006. – № 2.
19. Современные тенденции развития уголовного законодательства и уголовно-правовой теории // Государство и право. – 1994. – № 6.
20. Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. Н.М. Кропачева, Б.В. Волженкина, В.В. Орехова. – СПб.: Питер, 2006.
21. Уголовное право России. Часть общая: учебник для вузов / отв. ред. Л.Л. Кругликов. – М., 2005.
22. Фаргиев, И.А. Учение о потерпевшем в уголовном праве России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.А. Фаргиев. – Ростов н/Д., 2005.

A.V. Zalozniy

ACTUAL QUESTIONS OF THE VICTIM'S STUDY

In the article within the scope of the question about penetration of private principles into criminal law the victim's legal rights concerned with the offender's responsibility are examined. In addition, the circle of participants of criminal matters is analyzed from the criminal law function point of view.